

К 90-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМ. С.И. ВАВИЛОВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Симон Семенович Илизаров

доктор исторических наук, профессор,
заведующий отделом историографии и источниковедения
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
главный научный сотрудник,
Москва, Россия;
e-mail: sinsja@mail.ru

Современность прошлого: записка директора Института истории естествознания АН СССР Х.С. Коштоянца 1952 г. о задачах развития истории науки

УДК: 001.891(09)

DOI: 10.24412/2079-0910-2022-4-7-19

Публикуется записка директора Института истории естествознания АН СССР, члена-корреспондента АН СССР Хачатура Седраковича Коштоянца (1900–1961) из собрания Архива РАН. Записка Х.С. Коштоянца — ценный историографический источник — была подготовлена в 1952 г. Содержание публикуемого документа отражало состояние в СССР истории

естествознания как научной дисциплины и обозначало перспективы ее дальнейшего развития. Публикация сопровождается комментариями и вводной статьей.

Ключевые слова: история естествознания, историография, Х.С. Коштойянец, С.Л. Соболев.

В 2020 г. в статье, посвященной обстоятельствам создания и недолгой истории Института истории естествознания (ИИЕ) АН СССР, завершившейся в 1953 г. насильственным присоединением к нему Комиссии по истории техники (КИТ) ОН АН СССР [Илизаров, 2020], была кратко изложена записка Х.С. Коштойянца о задачах развития в СССР истории естествознания. Н.А. Ащеулова предложила подготовить археографическую публикацию этого документа, справедливо посчитав, что этот текст имеет не только историографическое значение, но отчасти даже оперативное, поскольку задачи, стоявшие перед отечественной историей науки семь десятилетий назад, созвучны и схожи с днем нынешним. С благодарностью приняв предложение Н.А. Ащеуловой, я чрезмерно задержался с его реализацией, причиной чему стали события последних полутора-двух лет в жизни нашего Института истории естествознания и техники, а также с необходимостью выполнения более срочных работ, в том числе с подготовкой объемного тома воспоминаний сотрудников ИИЕТ «Путь в профессию», вышедшего в августе 2022 г.

Процесс дисциплинарного оформления в нашей стране истории науки растянулся на значительную часть XX столетия. Причем этот долгий путь оказался на редкость извилист, прерывист, драматичен, а подчас и трагичен. В 1920–1930-е гг. формировались первые специализированные исследовательские структуры, происходило вычленение из общего научного исторического исследовательского пространства особой профессии «историк науки»; постепенно, с трудом складывалось историко-научное сообщество. Однако, несмотря на сопротивление академического руководства, в 1938 г. случилось насильственное разрушение Института истории науки и техники АН СССР (ИИНТ), образованного в 1932 г., и история науки как дисциплина в нашей стране прекратилась. В чреде последовавших событий важнейшим явилось почти случайное создание в 1944–1945 гг. Института истории естествознания (ИИЕ) АН СССР по инициативе президента Академии наук В.Л. Комарова и с личного разрешения И.В. Сталина. Однако и этот небольшой институт, с которого начинается период второй институционализации, за недолгие восемь лет своего существования претерпел и несколько кризисных ситуаций, и периоды относительно нормального развития в крайне сложных социально-политических условиях, когда советскую науку до основ сотрясали многочисленные идеологические, по сути репрессивные, кампании.

Трудно представить парадоксальность историографической ситуации той поры — с одной стороны, дисциплинарное возрождение истории науки в полной мере соответствовало ожиданиям научной общественности и общим задачам научного развития, с другой — власть, нуждавшаяся в идеологических подпорках очередного зигзага внутренней политики, диктовала свои условия конструирования извращенно-заданного образа историко-научного, в большей мере историко-технического, прошлого. И без того предельно напряженная ситуация отягощалась личностными мотивами людей, обладавших мощными административными ресурсами. Речь прежде всего идет о позиции С.И. Вавилова, возглавившего в 1945 г. Академию наук СССР, который сам, будучи широко образованным и исключительно

эрудированным в области истории науки, предельно негативно относился к созданию ИИЕ и, за редким исключением, к профессиональным историкам. Это привело к тому, что в 1948 г. ИИЕ находился на волоске от гибели. Однако, как это ни парадоксально, спасение пришло сверху. На какое-то время в боях за историю власть стремилась найти опору именно в той наиболее выразительной и осязаемой части прошлого, каким предстает научно-техническое развитие. После проходившей в январе 1949 г. в Ленинграде известной сессии общего собрания АН СССР, посвященной истории отечественной науки¹, позиция С.И. Вавилова по отношению к ИИЕ претерпела изменения. Именно его стараниями тогда же, в январе 1949 г., состоялось открытие Музея М.В. Ломоносова, который в какой-то мере компенсировал отсутствие у нас Музея истории науки. С этого времени ИИЕ вступил в период относительно благополучного развития, настолько, насколько это было возможно в условиях рубежа 1940-х и начала 1950-х гг.

Рис. 1. С.И. Вавилов. Ленинград, январь 1949

Fig. 1. S.I. Vavilov. Leningrad, January, 1949

Не задерживаясь на истории ИИЕ, здесь все же необходимо пояснить связь Института с Х.С. Коштойянцем. Первым директором ИИЕ был академик В.Л. Комаров. Реальное руководство при совершенном доверии со стороны директора осуществлял Б.Г. Кузнецов, которому мы в полной мере обязаны открытием ИИЕ. В первый же год ему удалось собрать коллектив профессиональных историков науки исключительно высокой квалификации. Достаточно сказать, что в первом составе ИИЕ работали такие выдающиеся мастера, как универсальные исследователи Т.И. Райнов и В.П. Зубов, историк математики А.П. Юшкевич, историк астрономии Б.А. Воронцов-Вельяминов, историк механики и астрономии И.Н. Веселовский, историк биологических наук Б.Е. Райков и др. После скоростной кончины В.Л. Комарова, случившейся 5 декабря 1945 г., возник вопрос о его преемнике. При президенте АН СССР С.И. Вавилове никаких шансов стать директором ИИЕ у Б.Г. Кузнецова — фактического создателя Института — не было.

¹ Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 911 с.

Институт истории естествознания 17 января 1946 г. возглавил известный физиолог, 45-летний член-корреспондент АН СССР Х.С. Коштоянц.

Рис. 2. Х.С. Коштоянц и В.Л. Комаров. 1944

Fig. 2. Kh.S. Koshtoyants and V.L. Komarov. 1944

Хачатур Седракович Коштоянц² родился 26 сентября 1900 г. в городе Александрополе (до 1990 г. — Ленинакан, ныне — Гюмри) Российской империи. Его отец, повар, в 1913–1917 гг. имел мелкую бакалейную лавку. Х.С. Коштоянц учился в 1906–1910 гг. в армянской церковно-приходской школе в Пятигорске, затем в 1910–1914 гг. в Городском шестиклассном училище. С тринадцати лет трудился типографским мальчиком. С 1915 по 1921 г. работал в аптеке в качестве ученика. Много занимался самообразованием и в 1917 г. сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости в Пятигорской гимназии. В 1917 г. поступил в Варшавский университет, эвакуированный тогда в Ростов-на-Дону. В период 1918–1919 гг. учился на естественном отделении Народного университета в Пятигорске. В 1919 г. опубликовал первую печатную статью «Поэзия будущего с точки зрения науки». Научную работу начал студентом в 1920 г. в Пятигорском народном университете на естественном отделении и отделении Бальнеологического института. Первые работы велись под руководством ботаника, морфолога и альголога, профессора В.М. Арнольди и касались вопросов биологии горько-соленых озер и минеральных источников. В 1920 г. Х.С. Коштоянц был направлен в Кубанский медицинский институт; в 1922 г. переведен на медицинский факультет Московского университета. Его первыми учителями в науке стали упоминавшийся выше член-корреспондент АН СССР В.М. Арнольди, а также В.Л. Исаченко — микробиолог и ботаник, позднее ставший действительным членом АН СССР и АН УССР.

С переездом в Москву начался научный и научно-административный карьерный успех Х.С. Коштоянца, чему в немалой степени способствовало то, что в марте 1925 г. он стал кандидатом, а с 1927 г. членом ВКП(б). Ученый находил время и силы и на активную деятельность по профсоюзной линии: с 1925 г. работал в секции научных работников — был ряд созывов членом Московского бюро секций научных работников, а также членом Центрального бюро этой секции. По окончании

² Основные моменты биографии Х.С. Коштоянца, представленные здесь, базируются на документах Архива РАН (АРАН): Ф. 1656; Ф. 411. Оп. 4. Д. 89; Ф. 411. Оп. 4а. Д. 154 и др. См. также: [Артёмов, Сахаров, 1986].

Московского университета направлен особой комиссией Организационно-распределительного отдела (Орграспред) ЦК ВКП(б) для подготовки к научной деятельности в Тимирязевский биологический институт, который окончил в 1929 г. по специальности «физиология животных». С 1926 г. начал работу в области экспериментальной физиологии под руководством профессора И.П. Разенкова, главным образом по вопросам физиологии пищеварения, сердечно-сосудистой системы и нервно-мышечной физиологии. С 1928 г. Х.С. Коштоянц, избранный по конкурсу, стал ассистентом кафедры физиологии животных физико-математического факультета Московского университета и вел большой практикум и лекционное ассистирование у заведующего кафедрой профессора А.Ф. Самойлова. В дальнейшем Коштоянц пройдет полный цикл университетского преподавателя — станет доцентом, профессором, заведующим кафедрой физиологии животных и человека МГУ.

Важную роль в научном становлении Х.С. Коштоянца сыграли его стажировки в 1930 и 1931 гг. в ряде ведущих сравнительно-физиологических учреждений Голландии и Германии. Так, в Утрехте он работал в Институте сравнительной физиологии у профессора Германа Жака Иордана и спустя несколько лет издал одну из его работ [Иордан, 1934]. По собственным словам Х.С. Коштоянца, в этот период он вошел в научный контакт со школой академика А.Н. Северцова, «что имело большое значение в моем формировании как работника в области эволюционной физиологии»³. С августа 1930 г. Коштоянц возглавил отдел (сектор) эволюционной физиологии Биологического института им. К.А. Тимирязева Комкадемии (с 1935 г. — Институт морфологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР); в период февраля 1937 по январь 1944 г. Коштоянц был заместителем директора этого института. После того как в СССР возобновили ученые степени, Х.С. Коштоянц по рекомендации академиков А.Н. Северцова и А.А. Ухтомского стал в 1935 г. доктором биологических наук без защиты диссертации. В отзыве Ухтомского отмечалось, что Коштоянц высоко даровитый молодой ученый, успевший приобрести в физиологической науке «довольно исключительное значение и широкую известность. Его следует считать у нас пионером той молодой отрасли нашей науки, которая получила название сравнительной физиологии», а Северцов писал о нем как о талантливом ученом, создавшем новое направление в физиологии животных, ученом, известном не только в СССР, но и за границей⁴.

Таким образом, в 1930-е гг. Х.С. Коштоянц стал оцениваться биологическим сообществом как один из ведущих физиологов, проводивший не только самостоятельные оригинальные исследования, но вместе со своими учениками разрабатывавший проблемы сравнительной, возрастной и экологической физиологии и биохимии в области обмена веществ, дыхательной функции крови, пищеварения, кровообращения, нервно-мышечной системы. В это же время деятельность Коштоянца получала поддержку высших партийно-административных органов, что, в частности, не замедлило сказаться на частоте его зарубежных командировок, состав которых утверждался Политбюро ЦК ВКП(б)⁵. Так, в 1932 г. он был включен

³ АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 154. Л. 17.

⁴ Там же. Л. 59, 61.

⁵ См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)—КПСС. 1922—1991 / 1922—1952. Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. С. 121, 122, 134, 135, 330, 333, 337, 353—355, 390, 452—454, 498, 521.

в состав советской делегации на Международный конгресс физиологов в Рим под председательством академика И.П. Павлова. Коштянец выступил там с докладом, посвященным вопросам эволюции функции гладкой мускулатуры кишечного тракта. В течение 1932–1935 гг. наряду с текущей экспериментальной и преподавательской работой, как ближайший помощник академиков И.П. Павлова и Л.А. Орбели, вел работу по подготовке и проведению XV Международного конгресса физиологов в СССР в качестве члена и ответственного секретаря оргкомитета.

Нет ничего удивительного, что Х.С. Коштянец, получив поддержку от Института эволюционной морфологии им. А.Н. Северцова и отдельно от партгруппы института, Ученого совета МГУ, Московского общества физиологов, биохимиков и фармакологов, Московского зоотехнического института, 29 января 1939 г. Отделением математических и естественных наук был избран (29 голосами из 34) членом-корреспондентом АН СССР⁶. В этом звании в период 1939–1947 гг. он стал членом бюро и заместителем академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР. С октября 1941 по март 1942 г. был уполномоченным Президиума АН СССР в Киргизской ССР. В 1943 г., когда на базе Армянского филиала АН СССР состоялось учреждение АН АрмССР, Коштянец, ставший ее действительным членом, возглавил отделение биологических наук.

Рис. 3. С.Л. Соболев и Х.С. Коштянец. Фрунзе, 1942

Fig. 3. S.L. Sobol and Kh.S. Koshtoyants. Frunze, 1942

Таким образом, ко времени назначения на пост директора ИИЕ Х.С. Коштянец находился в зените своего научного, научно-административного и общественного служения. К сказанному следует добавить, что Х.С. Коштянца — подполковника медицинской службы, кавалера ордена «Знак Почета» (1940), ордена Трудового Красного Знамени (1943 — за научные работы по витаминизации и за выполнение заданий по снабжению Красной армии витаминными препаратами), ордена Трудового Красного Знамени (1945 — в связи с юбилеем АН СССР) — в феврале 1946 г.

⁶ АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 154. Л. 1–2. Примечательно, что в рекомендации МГУ, так же как в отзыве 1935 г. А.А. Ухтомского, Коштянец поименован как «Христофор Сергеевич» (АРАН. Ф. 411. Оп. 4. Д. 89. Л. 13, 33).

избрали от Ахтинского района АрмССР депутатом Верховного Совета СССР II созыва по совету национальностей.

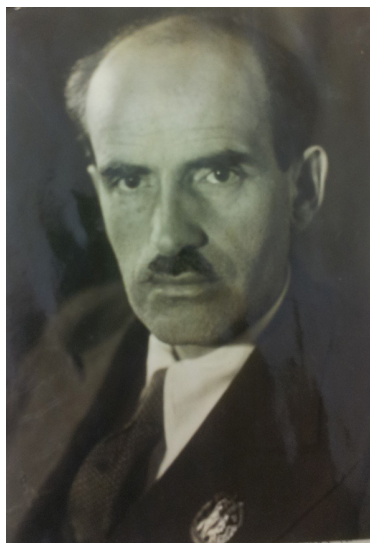

Рис. 4. Х.С. Коштоянц, 1947

Fig. 4. Kh.S. Koshtoyants, 1947

Назначение Х.С. Коштоянца директором Института истории естествознания было достаточно мотивированным, поскольку, как и первый директор, академик В.Л. Комаров, он был и биологом, и также работал в области истории науки. В автобиографии Коштоянц писал, что начало его работы в области истории науки относится к 1927 г.⁷ В.Л. Комаров, создавая ИИЕ, включил Х.С. Коштоянца в состав ученого совета. Среди опубликованных работ у Коштоянца определенное место занимают труды по истории отечественной и мировой физиологии (подробнее см.: [Григорян, 1978; Артёмов, Сахаров, 1986, 163–177]), в том числе монография о И.М. Сеченове, книга и статьи об И.П. Павлове, а его фундаментальный труд «Очерки по истории физиологии в России», вышедший в издательстве АН СССР в 1946 г., на следующий год был удостоен Сталинской премии второй степени. Факт присуждения этой, высшей тогда, награды за историко-научное произведение, а не за работу по физиологии не получил, насколько известно, интерпретации биографами ученого.

На решение Коштоянца стать директором ИИЕ наверняка повлияли ожидания успешного прохождения в действительные члены Академии наук. В 1946 г. велась чрезвычайно активная подготовка к первым после войны выборам в АН СССР. В ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия во главе с А.А. Ждановым. Первоначально на одну вакансию академика по специальности «эволюционная физиология» давалась рекомендация поддержать три кандидатуры: К.М. Быкова, Х.С. Коштоянца и И.П. Разенкова. Однако через несколько дней последовало предложение об увеличении числа вакансий для избрания в академики, и к первоначальному

⁷ АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 154. Л. 18.

числу 43 добавились еще 11. Причем в соответствующей записке особо оговаривалось: «Открытие вакансии академика по эволюционной физиологии также было бы правильным: наука эта, крайне важная для развития идей дарвинизма, среди состава академиков не представлена; кандидат, выдвинутый акад. Зелинским, — член-корреспондент АН СССР Х.С. Коштойаңц — крупный ученый в этой области»⁸. Несмотря на столь мощную поддержку, Коштойаңц ни тогда, ни в дальнейшем на выборах 1953 и 1960 гг. не удалось стать действительным членом Академии наук. В литературе высказывались вполне обоснованные предположения, что причиной этому послужило участие Х.С. Коштойаңца в организованной коллективной травле директора Института экспериментальной биологии Н.К. Кольцова и в подписании пасквильного текста под названием «Лжеученым не место в Академии наук», опубликованного в газете «Правда» 11 января 1939 г. [Сойфер, 2022, с. 427–433; Николай Константинович Кольцов, 2021, с. 256–257, 454–459, 513–514].

Неудача с избранием в 1946 г. в академики, очевидно, сильно повлияла на Х.С. Коштойаңца⁹. Он стал меньше уделять внимание институту, и это не замедлило сказаться на состоянии последнего. Ученый совет созывался крайне редко. Так, за 1947 г. ученый совет собирался только один раз. На бюро Отделения истории и философии АН СССР было указано на недопустимость такого положения, и в постановлении рекомендовалось созывать ученый совет не реже четырех раз в год с обсуждением принципиальных вопросов работы института и научных трудов, подготовленных к печати¹⁰.

Коштойаңц, будучи чрезвычайно занят, как директор института не мог или не хотел регулярно заниматься административными делами, переложив оперативное руководство на своего заместителя Н.А. Фигуровского и ученого секретаря И.А. Полякова. Коштойаңц неделями не появлялся в ИИЕ. Как вспоминал его заместитель и одновременно заведующий кафедрой на химфаке МГУ Фигуровский, Коштойаңц, «будучи биологом-экспериментатором, сам, подобно мне, раздваивался в своих занятиях и бывал в институте далеко не ежедневно <...>. В Институт он приезжал не каждый день, иногда не бывал в институте по неделям <...>. Вскоре мы с ним как-то разделили функции административного и научного характера и работали, в общем, дружно и доверительно» [Фигуровский, 2009, с. 499–500]. Другой участник и свидетель событий тех лет историк математики А.П. Юшкевич значительно более строго оценивал способ руководства Институт и публично выступал на заседании Ученого совета 20 января 1948 г. с резкой критикой в адрес Х.С. Коштойаңца [Математики рассказывают, 2005, с. 300].

Здесь нет возможности погружаться в историю взаимодействия ИИЕ, его сотрудников и администрации. Годы, в которые проходило становление Института, были временем особого свойства, годами особого духовного оцепенения. Тем не менее был преодолен 1948 год, когда Коштойаңц подавал президенту Академии наук

⁸ Академия наук в решениях Политбюро ЦК... С. 333–334.

⁹ По словам С.Э. Шноля, в период выборной компании в Президиум АН СССР поступила телеграмма «Лжеученому Коштойаңцу не место в Академии наук» (см.: [Шноль, 2010, с. 168, 170]). Этот же автор свидетельствовал о разочаровании, испытанном во время обучения в 1947/1948 г. в МГУ, когда читавший курс Х.С. Коштойаңц был «мрачен и удручен» и его лекции оказались малополезны.

¹⁰ АРАН. Ф. 457. Оп. 1-48. Д. 101. Л. 27.

Вавилову записку с просьбой об освобождении от обязанностей директора. ИИЕ с трудом, но как-то пережил последствия августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Проходившая под руководством С.И. Вавилова январская сессия Общего собрания АН СССР (1949) вопреки всему обернулась в общем плане значимой удачей для существования и развития истории науки и для ИИЕ в том числе. Во многих прозвучавших выступлениях тогда и в итоговых документах ставились и обсуждались действительно актуальные проблемы. После неожиданной смерти С.И. Вавилова 25 января 1951 г. прервались некоторые проекты и начинания, но с приходом нового руководства Академией наук позиции ИИЕ несколько не ослабли...

Рис. 5. Х.С. Коштоянц. Ленинград, 1949

Fig. 5. Kh.S. Koshtoyants. Leningrad, 1949

Во внутривластных циклах СССР каждое «эпохальное» событие, и особенно каждый состоявшийся очередной съезд (пленум) ЦК партии, должно было сопровождаться встречным движением трудящихся, взятием новых повышенных обязательств, корректировкой ранее принятых планов и т. п. Именно так развивались события после прошедшего с 5 по 14 октября 1952 г. XIX — последнего сталинского — съезда КПСС. Академия наук и в особенности институты социогуманитарного профиля не могли не отозваться на эти события позднейшего сталинизма. В Отделении истории и философии (ОИФ) АН СССР, в котором состоял ИИЕ, под руководством академика-секретаря Б.Д. Грекова была образована специальная комиссия, от имени которой институтам поручалось составить докладные записки с ответом на следующие вопросы:

1. Какие основные проблемы разрабатываются в данной отрасли науки?
2. Какие наиболее важные проблемы следует ввести дополнительно?
3. Каково состояние данной отрасли науки сравнительно с зарубежной наукой?
4. Какие необходимы организационные мероприятия для того, чтобы обеспечить первое место данной отрасли науки?
5. Вопросы подготовки кадров.
6. Улучшение информации о наших достижениях в советской и зарубежной печати.
7. Состояние критико-библиографической работы¹¹.

В поручении особо отмечалась необходимость при составлении докладной записки привлекать как отдельные секторы, так и ведущих работников институтов.

¹¹ АРАН. Ф. 670. Оп. 1. Д. 75. Л. 12.

Дирекция ИИЕ, получив распоряжение, составила записку для секторов с заданием дать предложения по анализу состояния истории естествознания в целях обеспечения соответствующих мероприятий, необходимых для ее быстреего развития. Положив в основу вопросник, присланный из ОИФ, руководство ИИЕ акцентировало внимание на том, чтобы научные подразделения института ответили на вопросы: а) какие проблемы к настоящему времени разрабатываются советскими историками науки; б) какие проблемы не находятся в их поле зрения и должны быть включены в разработку, учитывая, прежде всего, необходимость противопоставить буржуазным историкам науки свою точку зрения; в) какие острые вопросы истории науки ставятся зарубежными специалистами, в частности, по вскрытию закономерностей истории науки в наиболее важные исторические периоды, в наиболее важных странах. В Институте истории естествознания, как и в других институтах ОИФ, решили воспользоваться создавшейся ситуацией и сформулировать максимально возможные запросы и пожелания для дальнейшего развития своих отраслей. Так, в ИИЕ при декларировании необходимости разоблачения фальсификаций буржуазных историков науки секторам предлагалось наметить необходимые научно-организационные мероприятия, не ограничивая себя в этом направлении ничем, с тем, чтобы это было государственно мотивировано, в таких областях, как создание музеев истории естествознания, создание экспериментальных лабораторий, создание библиографической службы, создание библиотек, иконографических и иных фондов. Этот документ в своей постановочной части носил вполне концептуальный характер. Например, при рассмотрении базовой проблемы в подготовке и воспроизводстве кадров историков науки заострялся вопрос об их языковой подготовке, поскольку расширение фронта исследования в области мирового естествознания невозможно без профессиональных научных работников, знающих языки — не только европейские, но и восточные, и древние. Секторам предлагалось также обсудить вопрос о необходимости и целесообразности публикации работ советских историков науки на других языках, помимо русского, или же о параллельной публикации на русском и каком-нибудь из иностранных языков, или же — публикации советских работ в зарубежных профильных изданиях. Библиографическому сектору ИИЕ поручалось составить полный перечень зарубежных журналов для обоснования необходимости создания в СССР журнала по истории науки. Сектора ИИЕ должны были представить свои соображения не больше чем на шести машинописных страницах до 1 декабря.

Развернутую записку в половину авторского листа о состоянии разработки истории биологии, геологии и географии и о мероприятиях для их быстреего развития строго к установленной дате представил один из крупнейших тогда историков науки, заведующий сектором истории биологических и геолого-географических наук доктор биологических наук, профессор С.Л. Соболев¹². Именно его текст составил текстуальную основу ниже публикуемой записки «О состоянии и мерах развития истории естествознания» (15 страниц машинописи), посланной ИИЕ в ОИФ за подписью директора, члена-корреспондента АН СССР Х.С. Коштыянца.

¹² С.Л. Соболев перешел в ИИЕ по приглашению Х.С. Коштыянца. Вместе с Соболевым Постановлением Президиума АН СССР от 18 июня 1946 г. был переведен и собранный им Кабинет (Музей) по истории микроскопа. См.: [Илизаров и др., 2012, с. 43].

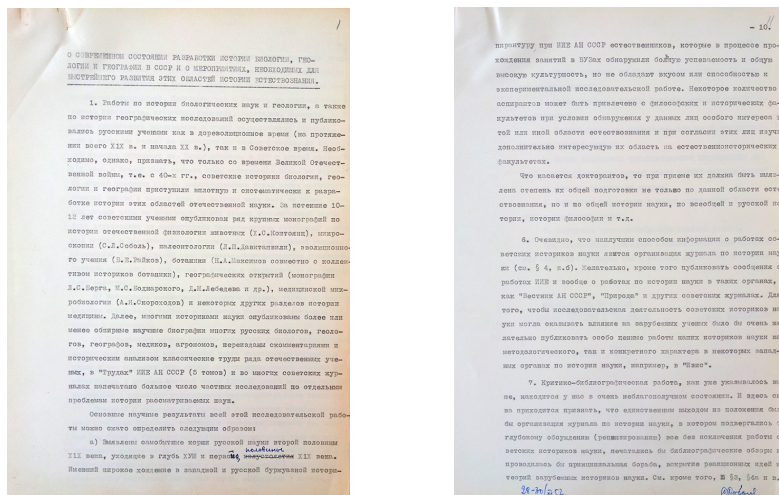

Рис. 6. Первый и последний листы Записки С.Л. Соболя
 Fig. 6. The first and the last pages of S.L. Sobol's Memorandum

Рис. 7. Сотрудники Института истории естествознания АН СССР. Слева направо, нижний ряд: Э. Кольман, С.Л. Соболев, Н.А. Фигуровский, Х.С. Коштойанц, О.А. Старосельская-Никитина, В.П. Зубов. Средний ряд: В.И. Антропова, З.И. Шептунова, В.И. Макарова, Т.Ф. Бедретдинова, Л.Я. Павлова, И.В. Батюшкова, Л.В. Каминер, О.А. Соколова, Т.В. Качаунова, О.В. Красноухова, Ю.И. Соловьев. Верхний ряд: (?), Ю.С. Мусабеков, Н.И. Иванов (?), Б.Г. Кузнецов, С.Р. Микулинский, Баклаев, В.А. Есаков. Москва, 1953

Fig. 7. The staff of the Institute for the History of Science. From left to right, bottom row: E. Kolman, S.L. Sobol, N.A. Figurovsky, Kh.S. Koshtoyants, O.A. Staroselskaya-Nikitina, V.P. Zubov. Middle row: V.I. Antropova, Z.I. Sheptunova, V.I. Makarova, T.F. Bedretdinova, L.Ya. Pavlova, I.V. Batyushkova, L.V. Kaminer, O.A. Sokolova, T.V. Kachaunova, O.V. Krasnoukhova, Yu.I. Soloviev. Top row: (?), Yu.S. Musabekov, N.I. Ivanov (?), B.G. Kuznetsov, S.R. Mikulinsky, Baklaev, V.A. Esakov. Moscow, 1953

Источники

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991 / 1922–1952. Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

Архив РАН (АРАН). Ф. 1656; Ф. 411. Оп. 4. Д. 89; Ф. 411. Оп. 4а. Д. 154.

Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 911 с.

Литература

Артёмов Н.М., Сахаров Д.А. Хачатур Седракович Коштойанц, 1900–1961. М.: Наука, 1986. 219 с.

Григорян Н.А. Х.С. Коштойанц как историк науки // Историко-биологические исследования. 1978. Вып. 6. С. 175–183.

Илизаров С.С. Кануны: от Института истории естествознания к Институту истории естествознания и техники АН СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 2020. Т. 41. № 3. С. 519–559.

Илизаров С.С., Гринина И.Р., Деулина Н.Е., Мокрова М.В. Соболев Самуил Львович: Материалы к биобиблиографии. М.: Янус-К, 2012. 118 с. (Серия «Российские историки науки и техники». Вып. VIII).

Иордан Герман. Практикум сравнительной физиологии: Дыхание, пищеварение, кровь, обмен веществ, кровообращение, нервно-мышечная система / Пер. и ред. Х.С. Коштойанц. М.; Л.: Биомедгиз, 1934. 237 с.

Математики рассказывают / Сост. В.Б. Кузнецова; предисл. В.А. Садовниченко. М.: Минувшее, 2005. 328 с.

Николай Константинович Кольцов. Очерки, статьи, письма, документы / Отв. ред. И.С. Захаров; сост. Е.Б. Астаурова. М.: Научный мир, 2021. 598 с.

Сойфер В.Н. Власть и наука. (Разгром коммунистами генетики в СССР). М.: ЧеРо, 2022. 1021 с.

Фигуровский Н.А. «Я помню...» Автобиографические записки и воспоминания / Сост., статья и примеч. С.С. Илизарова. М.: Янус-К, 2009. 603 с.

Шноль С.Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М.: Либроком, 2010. 720 с.

The Modernity of the Past: Memorandum on the Tasks for the Development of Science by Kh.S. Koshtoyants, Director of the Institute for the History of Science of the USSR Academy of Sciences (1952)

SIMON S. ILIZAROV

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;
e-mail: sinsja@mail.ru

This is a publication of a memorandum on the tasks for the development of science, written by Khachatur Sedrakovich Koshtoyants (1900–1961), Director of the Institute for the History of Science of the USSR Academy of Sciences, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, deposited at the Archive of the Russian Academy of Sciences. This memorandum, prepared in 1952, is a valuable historical source. Its content reflects the state of the history of science as a scientific discipline in the USSR, and outlines the prospects for its future development. The text of the memorandum is accompanied with commentary and introductory article.

Keywords: history of science, historiography, Kh.S. Koshtoyants, S.L. Sobol.

References

- Arkiv Rossiyskoy akademii nauk* (ARAN) [The Archive of the Russian Academy of Sciences], f. 1656; f. 411, op. 4, d. 89; f. 411, op. 4a, d. 154.
- Artemov, N.M., Sakharov, D.A. (1986). *Khachatur Sedrakovich Koshtoyants. 1900–1961* [Khachatur Sedrakovich Koshtoyants. 1900–1961], Moskva: Nauka (in Russian).
- Esakov, V.D. (Comp.) (2000). *Akademiya nauk v resheniyakh Politbyuro TsK RKP(b)–VKP(b)–KPSS. 1922–1991* [The Academy of Sciences in resolutions of the Communist party. 1922–1991], 1922–1952, Moskva: ROSSPEN (in Russian).
- Figurovsky, N.A. (2009). “*Ya pomnyu...*”: *Avtobiograficheskiye zapiski i vospominaniya* [“I remember...”: Autobiographical notes and reminiscences], comp. and comm. by S.S. Ilizarov, Moskva: Yanus-K (in Russian).
- Grigorian, N.A. (1978). Kh.S. Koshtoyants kak istorik nauki [Kh.S. Koshtoyants as a historian of science], *Istoriko-biologicheskkiye issledovaniya*, vyp. 6, 175–183 (in Russian).
- Ilizarov, S.S. (2020). Kanuny: ot Instituta istorii k Institutu istorii yestestvoznaniya i tekhniki AN SSSR [Eves: from the Institute for the history of science to the Institute for the history of science and technology], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, 41 (3), 519–559 (in Russian).
- Ilizarov, S.S., Grinina, I.R., Deulina, N.Ye., Mokrova, M.V. (2012). *Sobol Samuil L'vovich. Materialy k biobibliografii* [Sobol Samuil L'vovich. Materials to the biobibliography], Moskva: Yanus-K, “Russian historians of science and technology” series, vol. VIII (in Russian).
- Iordan, G. (1934). *Praktikum sravnitel'noy fiziologii: Dykhaniye, pishchevareniye, krov', obmen veshchestv, krovoobrashcheniye, nervno-myshechnaya sistema* [The comparative physiology practicum: breath, digestion, blood, metabolism, blood circulation, neuro-muscular system], transl. and ed. Kh.S. Koshtoyants, Moskva; Leningrad: Biomedgis (in Russian).
- Kuznetsova, V.B. (Comp.) (2005). *Matematiki rasskazyvayut* [Mathematicians tell], Moskva: Minuvsheye (in Russian).
- Shnol, S.E. (2010). *Geroyi, zlodeyi, konformisty otechestvennoy nauki* [Heroes, villains, conformists of patriotic science], Moskva: Librokom (in Russian).
- Soyfer, V.N. (2022). *Vlast' i nauka: Razgrom kommunistami genetiki v SSSR* [Power and science: Debacle of Soviet genetics by communists], Moskva: CheRo (in Russian).
- Voprosy istorii otechestvennoy nauki. Obshcheye sobraniye Akademii nauk SSSR, posvyashchennoye istorii otechestvennoy nauki. 5–11 yanvarya 1949 g.* [Questions on the history of patriotic science. General meeting of the Academy of sciences of the USSR dedicated to the history of patriotic science. January 5–11, 1949], Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR (in Russian).
- Zakharov, I.S. (Ed.), Astaurova, E.B. (Comp.) (2021). *Nikolay Konstantinovich Kol'tsov: Ocherki, stat'yi, pis'ma, dokumenty* [Nikolay K. Koltsov: Essays, articles, letters, documents], Moskva: Nauchnyy mir (in Russian).